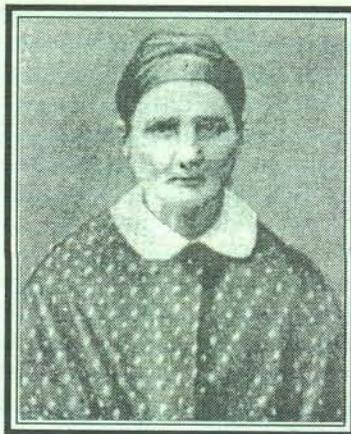

К сожалению, научная биография Гончарова пока еще не написана, причем особенно темным периодом для исследователей является детство Гончарова. В частности, мы почти ничего не знаем о том, как шло соприкосновение будущего писателя с устным народным творчеством в этот чрезвычайно важный период его жизни. Ведь именно в детстве писатели, как правило, органично усваивают “золотой запас” народного творчества.

Видимо, главную роль сыграла здесь его няня. О ней романист упомянул в воспоминаниях “На родине”, а также в письмах к родным. Звали ее Аннушкой. К счастью, сохранилась ее фотография 1862 г., опубликованная А.Д. Алексеевым. На всю жизнь Гончаров сохранил к няне сердечную любовь. В воспоминаниях Г.Н. Потанина приведен характерный эпизод, относящийся ко времени пребывания Гончарова в Симбирске в 1849 г.: “Трогательны были его беседы со слепой няней.

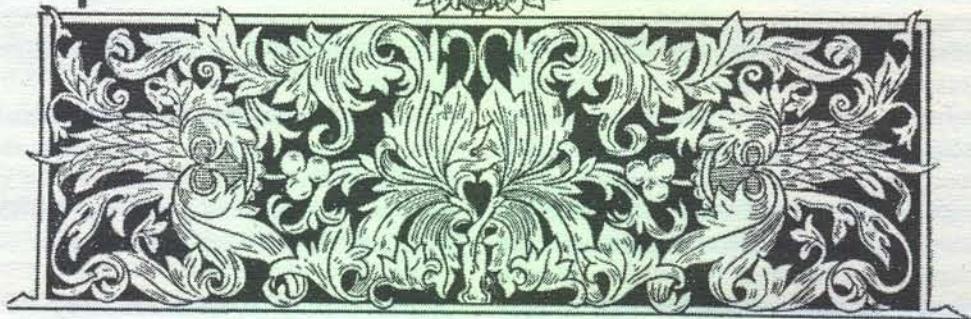

Симбирская Арина Родионовна

моей Александры Александровны в Хухорове. В ее слабом, иссохшем теле жила кристально чистая душа ребенка, полная до краев любовью к детям и ко всем домашним...” Отдыхая в 1881 г. в Дуббельне, Гончаров вспоминал “образ своей старушки няни, кроткого, смиренного и самоотверженного существа, всю жизнь свою положившего за других, и с грустью указывал на то, как много таких существований проходит у нас незамеченными и неоцененными”.

Все приведенные свидетельства рисуют нам вполне классический со времен Арины Родионовны образ своеобразной “литературной няни”: чем-то оказалась она слишком дорога писателю, помнившему ее до конца своей жизни. И это “что-то”, думается, верно обозначено в воспоминаниях Г.Н. Потанина: “Волшебные сказки!” В отличие от Пушкина, автор “Обломова” не посвящал своей няне отдельных литературных произведений, но заслуживает внимания образ няни, например, в “Сне Обломова”. Здесь явно чувствуются личные впечатления автора.

Голубка моя возлюбленная

Мне кажется, иногда он слов не находил, как бы нежнее ее назвать. “Голубка моя возлюбленная! Помнишь, какие волшебные сказки ворковала ты мне?..” И он поцелует голубку и погладит по голове. “Хочешь, я золотом засыплю тебя за них?” Старушка обидится и шепчет с укором: “Эх, Ваня, Ваня неразумный! На что мне твои деньги в могилу? Мне всего на свете дороже твоя любовь!” – и разрыдается до истерики”. Любовь к няне отмечают и другие мемуаристы. Так, М.В. Кирмалов пишет: “Иван Александрович нежно любил свою няню Аннушку. Я хорошо помню эту старушку, нянчившую и меня и жившую в то время (речь идет о середине 80-х гг., если в рукописи нет ошибки - В. М.) на покое у бабушки

Няня дает маленькому Илюше сказочное, мифологическое объяснение мира, которым довольствуется сама. При этом она развивает в ребенке воображение и поэтическое мировосприятие:

- Отчего это, няня, тут темно, а там светло, а ужо будет и там светло? – спрашивал ребенок.

- Оттого, батюшка, что солнце идет навстречу месяцу и не видит его, так и хмурится: а ужо, как завидит издали, так и просветлеет.

Можно не сомневаться, что эти перлы народного воображения и поэзии Гончаров узнал от своей няни, Аннушки. В романе он как бы вспоминает, как он “в бесконечный зимний вечер робко жметя к няне, а она нашептывает ему о какой-то неведомой сторо-

не, где нет ни ночей, ни холода". В "Сне Обломова" указан репертуар, видимо, близкий реальной няне Гончарова: "Она повествует ему... об удали Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, о Полкане-богатыре, о Колечище прохожем". Здесь же сказка о Жар-птице, Емеле-дураке, Медведе на деревянной ноге. Въяве видим мы и манеру рассказывать: "Рассказ лился за рассказом. Няня повествовала с пылом, живописно, с увлечением, местами вдохновенно, потому что сама вполонину верила рассказам. Глаза старухи искрились огнем: голова дрожала от волнения; голос возвышался до непривычных нот". Свое восприятие этих рассказов Гончаров также описывает в "Сне Обломова": "Ребенок, объятый неведомым ужасом, жался к ней со слезами на глазах... ребенок не выдерживал: он с трепетом и визгом бросался на руки няне, у него брызжут слезы испуга, и вместе хочется он от радости, что он не в когтях у зверя, а на лежанке, подле няни".

Образ няни в "Сне Обломова" абсолютно верен реальности. Исследователи не обращали внимания на этот главный источник гончаровского фольклоризма, а зря. О реальности этого образа, о том, что няня Аннушка заняла в жизни писателя навсегда свое значительное и важное место, свидетельствует уже не художественное, а документально-очерковое произведение: "Фрегат Паллада". В очерке "Русские в Японии в 1854 году" Гончаров, как в "Сне Обломова", и вспомнил свою нянюшку: "Мне не верилось, что все это делается наяву. В иную минуту мне казалось, что я ребенок, что няня рассказывала мне чудную сказку о неслыханных людях, а я заснул у ней на руках и вижу все это во сне".

В "Сне Обломова" Гончаров перечислил, очевидно, лишь малую часть исполнительского репертуара Аннушки. Несомненно, в запасе у нее было бесчисленное множество не только сказок, но и песен, поговорок, былин. Следует помнить, что Симбирская губерния в XIX веке была одной из самых "фольклорных".

Главное знакомство с фольклором было именно там, в Симбирске, в общении с няней Анной Михайловной. Гончаров сам описал процесс выработки в человеке родного языка, в частности, и "фольклорных" его пластов, указывая на огромную роль детских впечатлений: "Ему учатся не по тетрадкам и книгам, в гостиной у папа и мама – а первый учитель – кормилица со своими агу, агу... и другими междометиями, потом нянька со своими прибаутками и сказками... а затем уже обработанный, книжный, чистый или литературный язык – в образцовых писателях. Стало быть, язык, а с ним русскую жизнь, всасывают с молоком матери – учатся и играют в детстве по-русски, зреют, мужают и приносят пользу по-русски".

"Обработанный, чистый, книжный", очень лите-

ратурный язык Гончарова зачинался с "агу-агу", с прибауток и сказок Анны Михайловны. Этот язык не пестрит пословицами и поговорками, оборотами народной речи, но и не чужд им: "Дурень ты, дурень, неразумный ты бабин, то же бы ты слово, да не так бы ты молвил" (из письма к М.М. Стасюлевичу от 12 февраля 1878 г.), "Не в пору гость хуже татарина" ("Русские в Японии в 1853 г.") и др.

Центральное место в русском фольклоре для романиста, несомненно, занимает сказка, причем, сказка волшебная. Это место определяется прежде всего степенью воздействия сказки на национальный характер. Сам Гончаров, судя по "Сну Обломова", в детстве выслушал от няни Анны Михайловны немало волшебных сказок. Впрочем, упомянул здесь писатель всего несколько: сказку "О Емеле-дурачке" ("Емеля-дурак", "По щучьему велению"), сказку "О Жар-птице" ("Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке"), сказку "О медведе с деревянной ногой" ("Медведь"). Последнюю сказку о медведе Гончаров подробно цитирует, приводя из нее слова медведя, отправившегося на поиски своей ноги: "Скрипи, скрипи нога липовая, я по селам шел, по деревне шел, все бабы спят, одна баба не спит, на моей шкуре сидит, мое мясо варит, мою шерстку прядет". Судя по этой цитате, романист пользовался сборником сказок Афанасьева, а скорее всего опять-таки просто хорошо помнил сказки своего детства, приводя какой-то поволжский вариант текста сказки о медведе на липовой ноге.

Из сказки о Бове-королевиче попадает в "Сон Обломова" столь важное для своей концепции романа, и в особенности для женских образов, имя Милитрисы Кирбитьевны. Правда, ни в сказке о Еруслане Лазаревиче, где действует дочь Кербита Кербитовича, ни в "Бове-королевиче", где героиня прямо названа Милитрицей Кирбитьевной, этот женский персонаж вовсе не похож на ту сказочную волшебницу (своего рода волшебную шуку), которая призвана дать герою покой, негу и ласку (что в романе достается на долю Агафьи Матвеевны): в первом случае перед нами мать Еруслана Лазаревича, во втором – мать, обрекая на смерть отца, неверная жена и т.п. Очевидно, и здесь следует говорить о каком-то поволжском варианте сказки, поведенной все той же Анной Михайловной.

К сожалению, мы очень мало знаем о гончаровской няне – Анне Михайловне, нашей симбирской "Арине Родионовне". Не знаем даже ее фамилии. Для нас она пока – безымянный представитель народа, научившего великого нашего земляка красота и тайнам русского языка, русской фантазии, русской доброты.

В.И. Мельник, Т.В. Мельник